

Панорама Африки и Ближнего Востока

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Влияние формирующегося глобального мирового порядка на безопасность на Ближнем Востоке

Данила Сергеевич КРЫЛОВ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678

ЦИТИРОВАНИЕ: Крылов Д.С. Влияние формирующегося глобального мирового порядка на безопасность на Ближнем Востоке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 216–230.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Статья поступила в редакцию 14.05.2022.
Исправленный текст представлен 11.07.2022.

АННОТАЦИЯ. Современная система международных отношений находится в стадии динамичной трансформации. Изменения, которые происходят в ней, затрагивают не только глобальный уровень, но и взаимодействие между государствами на региональном уровне. В рамках данного исследования было проанализировано влияние мирового порядка на процессы в области безопасности, которая является одной из многих сфер сотрудничества и противостояния держав-центров как регионального, так и глобального масштаба. Проведенный анализ показал высокий уровень конфликтогенности региона Ближнего Востока, длительные и разносторонние противоречия между ключевыми кросс-региональными державами (Египтом, Израилем, Ираном, Турцией и Саудовской Аравией), а также необходимость построения в регио-

не системы безопасности, которая могла бы впоследствии быть интегрирована в мировую архитектуру. В результате сделан вывод, что формируемая Россией на Ближнем Востоке инклюзивная архитектура безопасности, с учетом сохранения возможностей равного диалога заинтересованных сторон, может стать действенной структурой поддержания мира и стабильности на региональном уровне, а также фундаментом нового миропорядка, в том числе в контексте глобальной архитектуры мировой безопасности, в которую будут вовлечены державы-центры мирового масштаба.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальный миропорядок, система международных отношений, полицентричность, международные отношения, безопасность, Ближний Восток, Россия.

Понятие «порядок» широко используется в исследованиях международных отношений, хотя часто оно отождествляется с международной реальностью. Любая дискуссия о порядке в международных отношениях (МО) начинается с концептуализации, предложенной отцами-основателями английской школы МО, прежде всего Хедли Буллом. В работе «Анархическое общество» Х. Булл определяет порядок как «модель деятельности, которая поддерживает элементарные или основные цели общества государств или международного общества» [Bull, 1977, р. 8]. Данное определение включает в себя два составных элемента. Во-первых, это «международное общество», которое определяется как группа государств, осознающих свои общие интересы и ценности, признающих, что они связаны общими нормами, регулируемыми их отношения [Bull, 1977, р. 13]. Во-вторых, концептуализируются общие интересы, которые включают в себя [Bull, 1977, р. 18–21]:

- сохранение международного сообщества;
- недопущение «устранения» любого из участников системы;
- защиту независимости и суверенитета государств-акторов;
- поддержание мира между всеми участниками системы;
- соблюдение принципа *pacta sunt servanda* (с лат. – «договоры должны соблюдаться»);
- сохранение собственности.

С этой точки зрения порядок не заменяет анархию, которая обычно определяется в международных отношениях через отсутствие какой-либо «верховой» власти, способной навязывать свою волю всем звеньям системы. Таким образом, в рамках реалистической теории государства сами обеспечивают собственную безопасность и безопасность системы, в которой они суще-

ствуют, в том числе используя правила, устанавливаемые мировым порядком.

С момента возникновения английской школы было предложено несколько альтернативных определений порядка, большинство из которых бросали вызов концепции Х. Булла о целях, которых стремится достичь любой порядок. Так, например, Дж. Пэрента и Э. Эриксона [Parent, Erikson, 2009] определяют порядок как модель деятельности, которая ограничивает частоту и интенсивность насилия между единицами (актерами) в рамках существующей международной системы, тем самым ограничивая цель любого международного порядка измерением безопасности и, в более узком смысле, снижением уровня враждебности. Д. Армстронг [Armstrong, 1993] в свою очередь сосредоточил исследования на регулярности и преемственности системы правил, практик и предположений, которые принимаются членами любого общества как законные и влияют на то, как происходят изменения в данном обществе. Таким образом, это определение обосновывает идею о том, что любой порядок в конечном счете направлен на установление допустимых пределов потенциальных изменений в том, как единицы системы относятся друг к другу и как они могут быть воплощены в реальность. Для М. Алагаппа [Alagappa, 2003, р. 39] порядком считается «формальное или неформальное соглашение, которое поддерживает подчиненное определенным правилам взаимодействие между суверенными государствами в их стремлении к индивидуальным и коллективным целям». Таким образом, концепция порядка расширяется и не закрепляется в виде целей любого международного порядка. К. Ройс-Смит выдвигает тезис, что международное общество состоит из набора международных институтов, разделенных иерархически

на три разных уровня: «конституционная структура», ее «фундаментальные институты» и «международные режимы» [Reus-Smit, 1997]. Таким образом, К. Ройс-Смит сосредотачивается на моделях (паттернах) деятельности, составляющих любой порядок, иерархизирует их, не предполагая, что за этой конструкцией стоит какая-либо цель. Несомненно, существуют иные трактовки и подходы к понятию и структуре порядка, однако в рамках данного исследования представляются достаточными вышеописанные концепты.

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что формирующийся мировой порядок будет включать в себя правила существования среды, в которой государства-элементы системы будут объединены общими интересами. Если исходить из тезисов политического реализма (государство – основной актор международных отношений), то одной из ключевых сфер соприкосновения целей государств будет обеспечение безопасности. Установленные правила окажут влияние на происходящие глобальные и региональные процессы, в том числе в свете построения нового баланса сил. Целью взаимодействия акторов будут как намерение каждого из них достичь своих национальных интересов, так и стремление реализовать коллективные интересы. В этом случае вопрос поддержания безопасности становится актуальным как на мировом уровне, так и в отдельных регионах.

На современном этапе пространство Ближнего Востока занимает одно из ключевых мест в системе современных международных отношений и мировой экономики. Вместе с тем этот регион традиционно отличается высоким уровнем конфликтности. На Ближнем Востоке существует множество очагов напряженности, зон нестабильности и вооруженных столкновений. При этом

процессы, происходящие в ближневосточной подсистеме, затрагивают интересы как региональной, так и кросс-региональной и международной безопасности. Общую ситуацию усугубляют давние внутрорегиональные противоречия между отдельными странами, в том числе идеологического характера, а также исторические основы межгосударственных отношений, этнические и конфессиональные споры, глобальная и региональная гонка вооружений и военных технологий, а также активное вовлечение мировых держав, столкновения их сил и интересов в регионе.

В рамках данного исследования под термином «Ближний Восток» понимается не столько географическое, сколько политическое пространство, включающее в себя страны Аравийского полуострова (Бахрейн, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), Арабского Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Сирия), Израиль, а также государства, которые находятся на границах региона (Египет на западе, Турция на севере и Иран на востоке), поскольку они играют ведущую роль во всех региональных процессах. Поэтому относящийся обычно к Среднему Востоку Иран в рамках данной работы относится к государствам Ближнего Востока.

Ближний Восток не однороден как политически и экономически, так и идейно-ценностно. Это арена противостояния интересов мировых держав и зона борьбы за влияние и лидерство между региональными и кросс-региональными государствами. При этом процессы, происходящие в геополитическом, геоэкономическом и геодивизиональном пространствах Ближнего Востока, оказывают влияние не только на региональный баланс сил, но и на смежные регионы Северной Африки, Средней Азии, Южного Кавказа и Южной Европы, а также (в отдельных

аспектах, например в энергетическом) на всю глобальную систему международных отношений.

Следует отметить, что, несмотря на совпадение в определенной степени географических границ и территорий пространства Ближнего Востока и американского геополитического концепта «Большой Ближний Восток» (ББВ)¹, в рамках данной работы последнему не будет уделено внимания по двум основным причинам. Во-первых, концепт ББВ не отвечает интересам Российской Федерации, поскольку был сформулирован Фондом Карнеги за международный мир (США) в рамках задачи, поставленной администрацией США в 2004 г. Во-вторых, проект «Большой Ближний Восток» пытается объединить различающиеся геополитические регионы Северной Африки, Восточной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии (а также к ББВ иногда относят Южный Кавказ и Среднюю Азию). Это ведет к определенному упрощению и обобщению региональных процессов, а также осложняет оценку различных политических векторов государств-лидеров (в том числе уменьшая ее уровень и значимость), поскольку, например, в рамках данного исследования (обращающегося к понятию пространства Ближнего Востока) Саудовская Аравия, Турция и Иран проводят кросс-региональную внешнюю политику, распространяя свое влияние на смежные регионы (например, на Северную Африку, Среднюю Азию, Южный Кавказ). В то же время аналогичная политика того же набора государств становится региональной (то есть понижается на одну «ступень»), если рассматривать всё исходя из концепта Большого Ближнего Востока.

Исходя из последнего тезиса, автор исследования не считает целесообразным включение региона Южного Кавказа в пространство Ближнего Востока, поскольку исследования, учитывающие политические, географические, экономические, цивилизационные, идейно-ценностные отличия регионов, являются крайне актуальными и необходимы в рамках трансформации мирового порядка, который Россия стремится привести к полицентричному формату. А обобщения, включающие в регион Ближнего Востока иные пространства, качественно отличающиеся по своим процессам от ближневосточных, будут осложнять как оценивание внутрирегиональной ситуации, так и характеристику центров силы будущего полицентричного мира.

Распад биполярной системы международных отношений, последовавший после окончания холодной войны, привел к росту внутривосточных конфликтов на Ближнем Востоке и их интернационализации [Савичева, 2014, с. 16], усугубленных сложными межгосударственными отношениями и отсутствием эффективных региональных или кросс-региональных архитектур безопасности, которые включали бы в себя государства региона и имели бы потенциал для снижения интенсивности или даже урегулирования конфликтов.

Кроме того, нестабильная политическая обстановка внутри отдельных стран и в целом в регионе приводит к росту объемов закупок вооружения, военных технологий и техники. Из этого следует увеличение значимости государств-экспортеров оружия, а также важности сотрудничества в сфере военно-промышленного комплекса (ВПК).

1 Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира // Центр стратегических оценок и прогнозов. – 2018. – 16 ноября. – URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/bolshoj-blizhnij-vostok-kak-novyy-fenomen-geopoliticheskoy-realnosti-sovremennogo-mira-8719> (дата обращения: 05.05.2022).

Это ведет к превращению региона в гигантскую геополитическую «пороховую бочку», в которой сосредоточены и активно наращиваются значительные запасы различного вооружения, военной техники и технологий. Таким образом, большинство региональных процессов подстегиваются и усугубляются вооруженными конфликтами, происходящими между странами ближневосточной подсистемы международных отношений.

Ситуация в сфере безопасности на Ближнем Востоке крайне зависима как от внутренних, так и от внешних составляющих, в том числе от структуры и формата функционирования глобальной системы международных отношений, которая претерпевает трансформацию в настоящее время. Мюнхенская речь В. Путина (2007 г.), воссоединение Крыма с Россией (2014 г.), военная операция в Сирии (с 2015 г.) и специальная военная операция по защите ДНР и ЛНР (с 2022 г.) – каждое из этих событий влияло на глобальный миропорядок, всё больше сдвигая его от американоцентричной модели, которая существовала в конце 1990-х – начале 2000-х годов, в сторону полицентричного мира. Кризис модели гегемонии США связан, с одной стороны, с изменением баланса сил (с точки зрения политического реализма), а с другой – с неспособностью Вашингтона поддерживать международные режимы, обеспечивающие соблюдение «правил игры», которые необходимы для развития процессов глобализации (с точки зрения политического либерализма). Как итог, США оказались бессильны единолично поддерживать глобальную стабильность [Казанцев, Сергеев, 2020, с. 48].

При этом реальный и активный сдвиг в сторону выстраивания фундамента нового миропорядка, иной системы международных отношений начался в период кризиса первой поло-

вины 2022 г. Вероятнее всего, трансформация из концепции в конкретную устойчивую архитектуру займет несколько лет. И на протяжении всего этого времени мир будут сотрясать конфликты, возникать и затухать очаги напряженности, споры за интересы, ресурсы и баланс сил.

«Центричность» мира крайне важна с точки зрения баланса сил, количества и уровня интенсивности конфликтов. Столкновения интересов акторов-центров силы приводят к динамичному изменению зоны противостояния и расширению очагов напряженности в регионе. История не позволяет утверждать, что существует определенный уровень «центричности», который позволял бы свести к нулю конфликтный потенциал региона, поскольку в различных регионах (в том числе на Ближнем Востоке) происходили конфликты как в биполярном мире холодной войны, так и в однополярном мире с гегемонией США в период постбиполярного мира (после окончания холодной войны), а также во время мира, возникшего после «постбиполярного» – в условной полицентричной модели международных отношений, трансформация которой происходит на современном этапе.

Трансформация мира продолжает идеологическое соревнование, которое активно происходило во второй половине XX в., но теперь в формате не столько тотальных идеологий и противостояния двух миров – центров-систем, сколько конфронтация политических моделей и идеологием, которые будут развивать мир [Аватков, 2020, с. 41]. Кроме того, отход от явного противостояния идеологических систем вместе с ростом взаимодействия стран третьего мира (включая государства Ближнего Востока) с Китаем по линии Юг – Юг [Кузнецов, 2019] приводят как к переносу и смещению сил и интере-

сов на глобальный Восток, так и к росту числа зон напряженности и повышению важности поддержания безопасности в региональных подсистемах.

Регион Ближнего Востока также может быть охарактеризован с точки зрения региональной гетерополярности (разнополярности). Концепция гетерополярности, используемая Дэрилом Коуплендом [Copeland, 2013] и Джеймсом Дер Дерианом [Der Derian, 2009], помимо признания диффузного характера власти и ее распределения внутри системы, обходит проблему ограничения обсуждения структуры рассмотрением только состояния, единиц измерения. Это позволяет включить в пространство анализа как изучение системы распределения властей, так и негосударственные субъекты (в дополнение к концептуализации их как простых инструментов государственных единиц). В соответствии с этим подходом на Ближнем Востоке подвергается сомнению факт влияния негосударственных субъектов на структуру подсистемы с целью определить новые центры силы, которые необходимы для понимания работы региональной политики [Middle East..., 2016, p. 38]. Исходя из этого, далее на региональном уровне основное внимание будет уделено государственным акторам, в особенности тем, которые занимают центральные позиции в регионе, вовлекая иные страны в орбиту своего влияния. При этом на глобальном уровне они сами будут интегрироваться в ту или иную систему влияния мировых держав. Таким образом, кросс-региональные государства, расположенные в центре структуры «мировые державы – кросс-региональные государства – страны региона», представляют особый интерес в контексте выстраивания правил нового глобального порядка, поскольку они одновременно имеют статус центральных с точки зрения регио-

на (подсистемы) и периферийных с точки зрения глобальной системы.

Проводя краткий исторический обзор изменения структуры кросс-региональных государств-лидеров, которые являются полюсами – центрами силы и способны оказывать и/или оказывают влияние не только на процессы в регионе Ближнего Востока, но и в смежных зонах (Северной Африке, Восточном Средиземноморье, Среднем Востоке и др.) начиная с периода, предшествовавшего распаду глобальной биполярной системы, и заканчивая современным этапом, следует подчеркнуть, что в 1980-х годах в регионе господствовала бесцентровая фрагментарная полицентричность. Первоначально в течение десятилетия наблюдался упадок панарабизма и рост тенденций консолидации государства и панисламизма. В то время за региональное лидерство боролись пять полюсов силы: Египет, Сирия, Саудовская Аравия, Ирак и недавно образованная Исламская Республика Иран. В целом были образованы два блока, в один из которых вошли так называемые умеренно прозападные страны (Ирак, Египет, Саудовская Аравия и другие страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Северный Йемен и Иордания), а в другой – Иран и так называемый Фронт стойкости и противостояния, в который входили Алжир, Ливия, Сирия и Южный Йемен. Данное «широкое» разделение сосуществовало одновременно с внутривластными движениями, направленными на пересмотр и изменение баланса сил в регионе перед лицом ревизионистских усилий Израиля, Ирана и Ирака [Middle East..., 2016, p. 38].

Новый период изменения структуры кросс-региональных лидеров начался с войны в Персидском заливе, связанной в ответ на вторжение Ирака

в Кувейт в 1990 г. Основными центрами силы были Саудовская Аравия, Египет, Сирия, Иран, Израиль и Турция. Все эти страны ощущали вызов Саддама Хусейна со стороны Ирака, однако они не были намерены формулировать между собой полноценные механизмы альянса или военно-политического блока. Проникновение США в ближневосточную региональную подсистему было связано в первую очередь с окончанием холодной войны и распадом глобальной биполярной системы, что было охарактеризовано как «момент американской гегемонии» в регионе.

Впоследствии вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г. привело к фактическому исчезновению Ирака с политической карты мира как целостного суверенного государства, в прошлом являвшегося одним из традиционных кросс-региональных центров силы в ближневосточной подсистеме. Это совпало с «возвращением» Ирана и Турции в региональную политику на рубеже XXI в. Кристина Кауш (в 2014 г. – руководитель ближневосточной программы *FRIDE*, Мадрид) охарактеризовала региональную систему, возникшую после «арабской весны» 2011 г., как «конкурентную многополярность», в которой «вместо формирования сплоченных блоков и вступления в долгосрочные союзы ряд региональных и внешних игроков разного размера и политического веса, вероятно, будут конкурировать в меняющихся, перекрывающихся союзах» [Kausch, 2014, p. 11].

Данная структура ближневосточной подсистемы продолжила трансформироваться на фоне кризисов в Сирии и Ираке (с 2011 г.), Йемене (с 2014 г.), военной операции России в Сирии (с 2015 г.) и военной операции коалиционных сил арабских государств под руководством Саудовской Аравии в Йемене (с 2015 г.), а также других ма-

лых и крупных событий и действий различных стран. В результате за период с 2003 г. по май 2022 г. в регионе сформировались и укрепили свое влияние пять кросс-региональных держав: Египет, Израиль, Иран, Саудовская Аравия (КСА) и Турция [Buzan, Waever, 2003]. Они образуют своего рода геополитический «пятиугольник» – сложную по своей структуре, характеру связей и особенностям среды подсистему международных отношений. Кроме того, ситуация усугубляется внешним влиянием и участием в региональных конфликтах мировых держав: России, США, Китая, – а также Европы (как в рамках ЕС + Великобритания, так и отдельных стран, преимущественно Франции и Великобритании).

При этом, в отличие от многих других регионов мира, конфликты на Ближнем Востоке по своей структуре состоят из двусторонних напряженностей, которые в совокупности формируют многосторонние и многовекторные зоны напряженности. Это происходит в том числе из-за специфики отношений между государствами региона, которые предпочитают заключать соглашения и договоренности преимущественно на двусторонней основе (например, Кэмп-Дэвидские соглашения между Израилем и Египтом [Bani Salameh, Bani Salameh, Al-Shra'h, 2012]), с возможным привлечением третьих сторон в качестве преимущественно модераторов, а также с низкой эффективностью региональных межгосударственных объединений, особенно в сфере урегулирования осуществляющих и/или потенциальных конфликтов.

Каждое из пяти кросс-региональных держав имеет конфликты с каждым другим актором. История их противостояния длится не одно десятилетие и охватывает различные сферы отношений: военную (вооруженная конфронтация или военно-техническое противо-

стояние, например Израиль – Иран), политическую (в том числе дипломатического характера, например Саудовская Аравия – Израиль), идейно-ценностную (в том числе идеологического или религиозного характера, например Саудовская Аравия – Иран, Саудовская Аравия – Турция), а также экономическую (Египет – Турция). В разные периоды эскалации сферы взаимодействия могут менять свой уровень значимости и критичности, однако зоны напряженности в целом остаются без глубинных изменений на протяжении последних нескольких десятилетий.

Так, например, позиции и подходы Саудовской Аравии и Турции диаметрально различаются в отношении группировки «Братья-мусульмане»*, которая после поражения в Египте в 2013 г. нашла поддержку в том числе у президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, в то время как Эр-Рияд официально признал данную организацию террористической². Другим камнем преткновения между двумя государствами является вопрос сотрудничества Турции с Катаром, на территории которого Анкара разместила свою военную базу, поскольку, несмотря на закончившийся дипломатический кризис, Доха и Эр-Рияд на протяжении многих лет являются региональными соперниками [Кузнецов, 2017]. В контексте отношений в треугольнике Сирия – Россия – Саудовская Аравия особое внимание обращает на себя намерение Эр-Рияда наладить сотрудничество с официальным правительством Сирии [Щегловин, 2019].

Говоря об Израиле, необходимо отметить, что данное государство находится в центре столкновений интересов большинства ближневосточных ак-

торов. Идейно-ценностная и политическая стороны продолжающегося более 70 лет арабо-израильского конфликта регулярно создают подъемы напряженности в регионе, которые не способствуют мирному урегулированию. Россия считает возможным решение палестино-израильского конфликта только на основе резолюций Совета Безопасности ООН № 242, 338, 1397 и 1515, Арабской мирной инициативы 2002 г. и «дорожной карты» 2003 г. Приверженность этим документам позволяет Москве поддерживать отношения со многими государствами Ближнего Востока, но осложняет сотрудничество с Израилем. Помимо арабо-израильского конфликта, существует длительное идеологическое противостояние Тель-Авива и Анкары вокруг статуса и контроля над Иерусалимом и мечетью Аль-Акса. Противостояние Ирана и Израиля усугубляется, с одной стороны, активно ведущейся пропагандистской, информационно-психологической борьбой, а с другой – антииранской линией Израиля, которая выражается как в политических заявлениях, так и в конкретных шагах против Тегерана (диверсии на ядерных объектах, ликвидация иранских физиков-ядерщиков, противостояние проиранской группировке «Хизбалла» в Ливане, воздушные удары по военным объектам Ирана на территории Сирии и пр.) [Сажин, 2020].

На сирийском треке наблюдается столкновение интересов Турции и Ирана, несмотря на то что Анкара и Тегеран, наряду с Москвой, являются странами – гарантами Астанинских соглашений. Ситуация усугублена противостоянием Турции и США, поскольку Вашингтон поддерживал и продолжа-

2 Abueish T. Muslim Brotherhood is a terrorist group: Saudi Arabia's Council of Senior Scholars // Al Arabiya English. – 2020. – November 11. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2020/11/11/Muslim-Brotherhood-is-a-terrorist-group-Saudi-Arabia-s-Council-of-Senior-Scholars> (дата обращения: 05.05.2022).

ет поддерживать курдские силы, с которыми Анкара ведет непримиримую борьбу. Также Анкара активно поддерживала многочисленные сирийские исламистские группировки, которые разделяли в том числе идеи «Братьев-мусульман»* [Долгов, 2021, с. 155].

Вышеуказанные процессы усугубляются также отсутствием сформированной и эффективно функционирующей в регионе системы безопасности. Речь идет не только о кросс-региональных архитектурах (Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), но также о глобальных, поскольку ни институты ООН (включая Совет Безопасности ООН и миротворческие миссии) в период биполярности, ни страны – члены НАТО в период после распада СССР, ни иные структуры не оказались способны обеспечить достаточный уровень безопасности и отсутствия конфликтов в регионе. В настоящее время Россия при поддержке Ирана и Турции стремится выстроить на Ближнем Востоке инклюзивную архитектуру безопасности, которая, тем не менее, ограничена исключительно сирийской зоной напряженности, поскольку выход на региональный уровень требует вовлечения иных кросс-региональных акторов, скованных противоречиями, существующими на протяжении десятилетий [Крылов, 2021].

Что касается внешних игроков, то значительный интерес представляет развитие отношений Москвы (и Пекина) с государствами Ближнего Востока с учетом глобального геополитического, геоэкономического, цивилизационного и информационного противостояния между Россией и коллективным Западом. События «арабской весны» и череда последовавших за ней политических изменений и вооруженных кон-

фликтов в регионе временно ослабили правящие режимы (Египет, Сирия) или даже привели к краху региональные державы (Ливия), спровоцировали региональные конфликты (Йемен, Сирия, Ливия) и подъем так называемого Исламского государства*, которое вернуло угрозу терроризма в повестку дня в сфере международной безопасности. Эти события вместе с ослабевающим влиянием США (в том числе в связи с попытками региональных государств последовательно диверсифицировать двусторонние отношения в критически важных областях политики, экономики и военно-промышленного комплекса) породили в регионе спрос на альтернативные партнерские отношения. В подобных условиях военно-политические возможности способствовали быстрому и активному возвращению России в регион Ближнего Востока после периода снижения уровня отношений после распада СССР. Москва стала привлекательным партнером для многих государств региона, начала активно восстанавливать свое политическое и военное присутствие в регионе, в том числе под знаменем борьбы с международным терроризмом. Кроме того, искусная энергетическая дипломатия Москвы на Ближнем Востоке в определенный момент привела мировые цены на нефть к уровню, который отвечает интересам России. Это позволило Москве вернуться к бездефицитному бюджету и помогло стабилизировать финансы, а также улучшить макроэкономические перспективы государства [Popescu, Secrieru, 2018, p. 4–7].

Геополитические вызовы со стороны России в отношении влияния стран ЕС и США постоянно ощущаются во всем ближневосточном регионе. Так, в зоне Персидского залива и монархий Аравийского полуострова, которые являются основными региональными союзниками США, страны

активно взаимодействуют с Москвой (а также с Пекином) с целью диверсификации сил и средств в области безопасности. После десятилетий закупок оружия в США и Европе многие страны Персидского залива были привлечены прагматичным подходом России, который контрастировал с западным дискурсом политических реформ. Хотя монархии Персидского залива не одобряли поддержку Кремлем политики Башара Асада в Сирии, военная операция России в этой арабской республике, тем не менее, доказала, что Москва является устойчивым и непоколебимым союзником, в отличие от переменчивой позиции и непоследовательной реакции стран Запада на перемены в регионе³.

Подводя итог, следует отметить, что формирующийся в настоящее время новый глобальный мировой порядок в будущем будет оказывать значительное влияние на региональные процессы на Ближнем Востоке, особенно учитывая высокую конфликтогенность, а также глубокие и давние противоречия между ключевыми кросс-региональными государствами, которые одновременно являются центрами построения любых систем в регионе. Например, к началу второй половины 2022 г. стало очевидным влияние специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины, не только на региональные и кросс-региональные, но также и на глобальные процессы, которые, в свою очередь, опосредованно воздействуют на изменения баланса сил и системы отношений в различных регионах мира (включая Ближний Восток), в которых имеет

место конфликт интересов России и стран Западного мира.

Россия всегда стремилась не столько подчинить других акторов своим целям и политической воле, сколько начать диалог и поставить стороны в зависимость друг от друга. Создать замкнутую систему, инклюзивную архитектуру безопасности [Аватков, 2018], которая базировалась бы более чем на двух основах и позволила вести заинтересованным сторонам диалог на равных с целью нахождения компромиссных решений. Теоретически данная структура в рамках полицентричного мира может существовать как на региональном, так и на глобальном уровнях. При этом внимание необходимо в том числе уделить количеству «участников-центров» складывающейся системы.

Говоря о региональном уровне безопасности на Ближнем Востоке, если подобная архитектура будет включать в себя всего одного участника (*unipolarity*), то, поскольку исторически государства региона имеют сложности с коллективным взаимодействием и привержены ведению независимой и минимальным образом согласуемой с другими политики, которая имеет в том числе и явную конфронтационную направленность, система не будет стабильной. Кроме того, стремление одних более сильных государств (мировых или региональных) доминировать и устанавливать гегемонию в регионе приведет лишь к новому расколу и очередному витку напряженности и эскалации конфликтов.

Биполярная система архитектуры приведет к классическому двуцентричному противостоянию, которое может идти в регионе как по линии «шииты – сунниты», «Саудовская Аравия – Иран», так и по любой другой. В ус-

3 Gardner F. Russia in the Middle East: Return of the Bear // BBC News. – 2013. – November 14. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-24944325> (дата обращения: 05.05.2022).

ловиях множества вооруженных конфликтов превосходство любой стороны в одной из зон напряженности будет нивелироваться отсутствием явно выраженных центров, захват которых привел бы к окончанию войны. А уничтожение любого государства, независимо от уровня его влияния, вызовет коллапс системы безопасности в регионе.

Третий вариант: полицентричная архитектура безопасности и построения мира на глобальном или региональном уровне видится наиболее реалистичной в вопросе реализации и существования. Если интегрировать в подобную систему акторов, которые готовы к диалогу и компромиссу, хотя и могут решать вопросы региональной безопасности, то подобный комплекс связей поможет если не решить, то минимизировать последствия конфликтных столкновений сторон. Ключевой вопрос – территориальные и ресурсные претензии каждой стороны по идеологическим, историческим, геополитическим, экономическим или любым иным причинам. В настоящее время России в рамках проведения внешнеполитической стратегии по построению полицентричного мира удалось создать трехкомпонентную систему, включающую, кроме нее, Иран и Турцию.

В свете глобальных изменений, сложнопрогнозируемых событий и асимметричных действий сторон крайне затруднительно говорить об абсолютности тех или иных структур, решений и позиций. Полицентричная архитектура безопасности и решения вопросов в регионе Ближнего Востока только формируется. Тем не менее ее опыт и практические результаты впоследствии могут использоваться на более высоком уровне. В таком случае система, включающая в себя государства-центры на уровне региона и которой на фоне глобальных трансформаций надлежит обеспечивать мир и стабильность в регионе

Ближнего Востока, потенциально в будущем (при достаточной воле и усилиях заинтересованных сторон) может стать фундаментом нового миропорядка, основой построения глобальной архитектуры мировой безопасности, в которую будут вовлечены державы – центры мирового масштаба.

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Список литературы

Аватков В.А. Идеинный фактор и тюркский элемент в политике России сквозь призму трансформации мирового порядка // Россия и современный мир. – 2020. – № 3 (108). – С. 38–49. – DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.

Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2018. – 6 апреля. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 05.05.2022).

Долгов Б.В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 147–160. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8.

Казанцев А.А., Сергеев В.М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Том 13, № 2. – С. 40–69. – DOI: 10.24833/2071-8160-2020-71-40-69.

Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

Кузнецов А.А. Катар – КСА: разрастание конфликта // Институт Ближнего Востока. – 2017. – 13 июня. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=35577> (дата обращения: 05.05.2022).

Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 30–46. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21. – URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/viewFile/10779/10230> (дата обращения: 05.05.2022).

Сажин В. Иран: итоги 2020 и перспективы // Международная жизнь. – 2020. – 29 декабря. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28604> (дата обращения: 05.05.2022).

Щегловин Ю.Б. О процессе восстановления отношений Сирии с арабскими государствами // Институт Ближнего Востока. – 2019. – 6 января. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=52090> (дата обращения: 05.05.2022).

Alagappa M. The Study of International Order: An Analytical Framework // Asian Security Order: Instrumental and Normative Featuresю – Stanford : Stanford University Press, 2003. – P. 33–69.

Armstrong D. Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 328 p.

Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. The Camp David Accords: Lessons and Facts // The Arab Journal For Arts. – 2012. – Vol. 9, N 2A. – P. 41–66. – URL: <https://aaui.yu.edu.jo/IMAGES/DOCS/V9N2A/V9N2AR11.PDF> (дата обращения: 05.05.2022).

Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – New York : Columbia University Press, 1977. – 356 p.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

Copeland D. Diplomacy, Globalization and Heteropolarity: The Challenge of Adaptation // CDEAI Policy Papers. – August, 2013. – 15 p. – URL: http://www.cgai.ca/diplomacy_globalization_and_heteropolarity (дата обращения: 05.05.2022).

Der Derian J. Virtuous War. Mapping the Military-Industrial-Media-Entertainment Network. – 2nd ed. – London : Routledge, 2009. – 368 p. – DOI: 10.4324/9780203881538.

Kausch K. Competitive Multipolarity in the Middle East // IAI Working Papers. – September, 2014. – N 14/10. – URL: <http://www.iai.it/en/node/2358> (дата обращения: 05.05.2022).

Middle East and North Africa Regional Architecture: Mapping geopolitical shifts, regional order and domestic transformations / Soler i Lecha E. [et al.] (eds.). // MENARA, Methodology and concept papers. – 2016. – November, N 1. – 114 p. – URL: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

Parent J.M., Erikson E. Anarchy, Hierarchy and Order // Cambridge Review of International Affairs. – March, 2009. – Vol. 22, N 1. – P. 129–145.

Popescu N., Secieru S. Russia's return to the Middle East Building sandcastles? // European Union Institute for Security Studies, Chaillot Papers. – July, 2018. – N 146. – 121 p. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_146.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

Reus-Smit C. The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions // International Organization. – 1997. – Vol. 51, N 4 (Autumn). – P. 555–589.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Impact of Emerging International Order on Security in Middle East

Danila S. KRYLOV

Research Fellow Department of Middle and Post-Soviet East,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678

CITATION: Krylov D.S. (2022). Impact of Emerging International Order on Security in Middle East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 216–230 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Received: 14.05.2022.

Revised: 11.07.2022.

ABSTRACT. *The modern system of international relations is currently in a stage of dynamic transformation. The changes that are taking place in it affect not only the global level, but also the interaction between states at the regional level. In the article the influence of the world order on the processes in the field of security, which is one of the many areas of cooperation and confrontation between the center powers, both regional and global, is being analyzed. The analysis has shown a high level of conflict potential in the Middle East region, long-term and versatile contradictions among the key cross-regional powers (Egypt, Israel, Iran, Turkey and Saudi Arabia), as well as the need to build a security system in the region that could later be integrated into the world architecture. As a result, it is concluded that the inclusive security architecture being formed by Russia in the Middle East, taking into account the preservation of opportunities for equal dialogue of interested parties, could become*

an effective structure for maintaining peace and stability at the regional level, as well as the basis for a new world order, in the context of the global security architecture, in which the center powers of the world scale will be involved.

KEYWORDS: *global order, system of international relations, multipolarity, international relations, security, Middle East, Russia.*

References

- Alagappa M. (2003). *The Study of International Order: An Analytical Framework*. Asian Security Order: Instrumental and Normative Features, Stanford : Stanford University Press, pp. 33–69.
- Armstrong D. (1993). *Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 328 pp.

- Avatkov V.A. (2018). *Syria's New System for the Future: A Triangular Approach*. Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai», April 6 (in Russian). Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/>, accessed 05.05.2022.
- Avatkov V.A. (2020). The ideological factor and the Turkic element in Russia's policy through the prism of transformation of the world order. *Russia and the contemporary world*, no. 3 (108), pp. 38–49 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.
- Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. (2012). The Camp David Accords: Lessons and Facts. *The Arab Journal For Arts*. vol. 9, no. 2A. pp. 41–66. URL: <https://aaui.yu.edu.jo/IMAGES/DOCS/V9N2A/V9N2AR11.PDF>, accessed 05.05.2022.
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York : Columbia University Press, 356 pp.
- Buzan B., Wæver O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 564 pp.
- Copeland D. (2013). *Diplomacy, Globalization and Heteropolarity: The Challenge of Adaptation*. CDFAI Policy Papers, August, 15 pp. Available at: http://www.cgai.ca/diplomacy_globalization_and_heteropolarity, accessed 05.05.2022.
- Der Derian J. (2009). *Virtuous War. Mapping the Military-Industrial-Media-Entertainment Network*. 2nd ed., London : Routledge, 368 pp. DOI: 10.4324/9780203881538.
- Dolgov B.V. (2021). Russia and Turkey in regional and geopolitical space, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 14, no. 3, pp. 147–160 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8.
- Kasantzev A.A., Sergeev V.M. (2020). The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 13, no. 2, pp. 40–69 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69.
- Kausch K. (2014). Competitive Multipolarity in the Middle East. *IAI Working Papers*, September, no. 14/10. Available at: <http://www.iai.it/en/node/2358>, accessed 05.05.2022.
- Krylov D.S. (2021). Inclusive Security Architecture in Middle East: Features of Functioning and Prospects for Expansion. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 1–14 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.
- Kuznetsov A.A. (2017). *Qatar-Saudi Arabia: escalation of conflict*. Institut Blizhnego Vostoka. June 13 (in Russian). Available at: <http://www.iimes.ru/?p=35577>, accessed 05.05.2022.
- Kuznetsov A.V. (2019). Concepts of South-South Economic Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 3, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.
- Middle East and North Africa Regional Architecture: Mapping geopolitical shifts, regional order and domestic transformations (2016). Soler i Lecha E. [et al.] (eds.). *MENARA, Methodology and concept papers*, November, no. 1, 114 p. Available at: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf, accessed 05.05.2022.
- Parent J.M., Erikson E. (2009). Anarchy, Hierarchy and Order. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 22, no. 1, pp. 129–145.
- Popescu N., Secieru S. (2018). Russia's return to the Middle East Building sandcastles? *European Union Institute for Security Studies, Chaillot Papers*, July, no. 146, 121 pp. Available at: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_146.pdf, accessed 05.05.2022.
- Reus-Smit C. (1997). The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institu-

tions. *International Organization*, vol. 51, no. 4 (Autumn), pp. 555–589.

Savicheva E. (2014). On the geopolitical situation in the Middle East: Interaction between regional and global trends. *Peoples' Friendship University of Russia: International relations*, no. 3, pp. 14–21 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-geopoliticheskoy-situatsii-na-blizhnem-vostoke-vzaimodeystvie-regionalnyh-i-globalnyh-tendentsiy>, accessed 05.05.2022.

Sazhin V. (2020). Iran: results of 2020 and prospects, *Mezhdunarodnaya zhizn'*. December 29 (in Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/28604>, accessed 05.05.2022.

Shcheglov Yu.B. (2019). *On process of restoring relations between Syria and Arab states*. Institut Blizhnego Vostoka. January 6 (in Russian). Available at: <http://www.iimes.ru/?p=52090>, accessed 05.05.2022.